

и антарктических экспедиций на 2011–2015 годы» Республика Беларусь с 2007 г. проводит в южной полярной области Земли международную научную и логистическую деятельность. У подножия горы Вечерняя в Восточной Антарктиде в декабре 2007 г. открыт белорусский сезонный полевой лагерь. В 2007–2010 гг. проведены три белорусские антарктические экспедиции. В данный период в рамках организации соответствующих экспедиций в Антарктиду направлялось 12 белорусских специалистов, создана основа для дальнейшей деятельности Республики Беларусь в Антарктиде и организации в перспективе белорусской антарктической станции. В настоящее время выполнено уже 9 сезонных антарктических экспедиций, завершён монтаж второго модуля Белорусской Антарктической станции, которая с 2019–2020 гг. вообще перейдет на круглогодичный режим работы [2].

Длительность данных экспедиций, отсутствие постоянно действующих органов дознания обуславливают, как представляется, необходимость наделения их руководителей полномочиями на осуществление дознания в случае совершения общественно опасных деяний в ходе их проведения. Это требует внесения соответствующих изменений в ст. 37 УПК.

1. Стельмах В.Ю. Особенности уголовно-процессуальной деятельности в дальнем плавании, на территории экспедиций и зимовок, в Антарктике, на территории дипломатических и консульских представительств Российской Федерации // Журн. рос. права. 2017. № 6.

2. Белорусская антарктическая экспедиция станет круглогодичной [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik.by/nature/20170608/1029201033/belorus-skaya-antarkticheskaya-ehkspediciya-stanet-kruglogodichnoj.html> (дата обращения: 22.08.2018).

УДК 343.1

В.С. Соркин

О ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ДИСКУССИОННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ)

Споры ученых-процессуалистов относительно возможности установления истины в уголовном судопроизводстве имели место на протяжении всего времени существования уголовно-процессуальных отношений. По мнению одних процессуалистов, цель уголовного процесса – достижение объективной истины, позиция других в том, что устанавливается лишь процессуальная или формальная истина. В этой

связи особенно примечательно сравнивать советский период обмена мнениями относительно данной категории и современный, развивающийся в условиях состязательного уголовного процесса при формальном отказе от цели достижения истины, где выше данной цели поставлена охрана прав и свобод человека, вовлеченного в сферу одноименных правоотношений. Формальный отказ от необходимости установления объективной истины сам по себе не создает дополнительных гарантий соблюдения прав граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений.

В советский период развития страны целью доказывания в уголовном судопроизводстве однозначно являлось достижение объективной истины. При этом под материальной (объективной) истиной понималось соответствие выводов следствия и суда о фактах, имеющих значение для дела, самим этим обстоятельствам, как они произошли в действительности [1, с. 323]. Кроме того, в содержание объективной истины по уголовным делам включались достоверное познание фактов, их правильная квалификация и правильное определение меры наказания [2, с. 139]. Как представляется, современное уголовно-процессуальное законодательство не отменяет задачу «достоверно познавать факты» при производстве по уголовному делу.

Вместе с тем некоторыми учеными ставится под сомнение сама возможность достижения объективной истины, и в обоснование указанного утверждения приводится ее несоответствие презумпции невиновности [3, с. 62–69]. П.А. Лупинская считает, что требование установления истины по каждому уголовному делу присуще инквизиционному процессу, игнорирующему права и свободы человека [4, с. 80]. З.З. Зинатуллин, критикуя теорию плюральности устанавливаемых в уголовном процессе истин, отмечает, что по каждому уголовному делу можно и нужно (должно) устанавливать только одну истину – объективную (материальную). При этом, по словам названного автора, такое требование не является «антагонистическим» по отношению к принципам состязательности сторон и презумпции невиновности [5, с. 71]. Ю.В. Францифоров отмечает: «не отрицая наличия истины в уголовном судопроизводстве, следует видеть в ней не цель процесса доказывания, а лишь одно из средств этого процесса, отождествляющего истину со знанием факта» [6, с. 13].

С учетом изложенных идей относительно цели установления истины в уголовном судопроизводстве представляется, что в современном уголовном процессе, характеризующемся формальным отсутствием такой цели, укреплением принципа состязательности сторон и расширением сферы действия презумпции невиновности, правоприменитель обязан использовать законные способы и средства для достижения объективной

истины. Отказ от установления истины в уголовном процессе, равно как и исключение из УПК принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств преступления, подрывает принцип законности в уголовном судопроизводстве [7, с. 13–17]. По этой причине, говоря об истине, стоит подразумевать прежде всего наличие у правоприменителя убеждения о соответствии установленных фактов реальной действительности вне зависимости от того, идет ли речь об истине объективной или формальной (юридической).

Следует задаться вопросом: «Каким образом влияет внутреннее убеждение судьи или следователя на установление истины по уголовному делу?». Прежде чем ответить, необходимо учесть, что внутреннее убеждение является основой принципа свободы оценки доказательств, выступая одновременно гарантией независимости суда при вынесении приговора. Правильно в этой связи утверждение: «Будучи субъективным по субстрату, внутреннее убеждение должно быть объективным по содержанию» [8, с. 23], причем данная мысль очень точно характеризует рассматриваемую правовую категорию, еще раз подчеркивая, что, несмотря на то, что решение принимается конкретным человеком, оно должно быть основано на достоверно установленных и соответствующим образом обоснованных закреплённых фактах.

Оригинальная мысль о роли внутреннего убеждения при установлении истины отмечается у В.А. Лазарева: «Убедиться в истинности полученного знания можно лишь сопоставив знание с действительностью, если же это невозможно (а проверить знание о преступлении опытным путем, разумеется, невозможно), на смену истине приходит решимость принять известное мнение за истинное или ложное и положить его в основание своей деятельности. Такая решимость есть убеждение. Очевидно, что за истину в делах судебных принимаем убеждение в том, что наше знание соответствует действительности» [9, с. 63]. Здесь утверждение автора, на наш взгляд, не совсем верно. Представляется очевидным то, что внутреннее убеждение является одним из критериев, позволяющих судить о достижении истины (в авторском понимании достаточной обоснованности выводов) по результатам расследования или разрешения уголовного дела.

Так, Ю.В. Францифоров исключает возможность достижения объективной истины в ходе рассмотрения уголовного дела, ссылаясь в том числе на внутреннее убеждение субъекта доказывания. Оценка доказательств, по его мнению, обладает еще большим субъективизмом по сравнению с другими элементами процесса доказывания, поскольку она производится по внутреннему убеждению, при реализации которого судья, следователь руководствуется не только законом, но и совестью [6, с. 12].

Необходимо также отметить, что истина, как и внутреннее убеждение, может быть представлена в виде субъективно-объективной категории. Так, В.Д. Спасович различал в истине две стороны: одну – объективную, не зависящую от познающего субъекта, и другую – субъективную, зависящую от свойств познающего лица и его индивидуального ума [10, с. 46].

В.В. Дорошков обращает внимание на то, что концепция «формальной истины» базируется на теории свободной оценки доказательств [11, с. 94]. Ученый, являющийся сторонником концепции истины формальной, исходит из невозможности достижения объективной истины в рамках уголовного процесса, поэтому и внутреннее убеждение в таком контексте является его аргументом в пользу возможности установления только формальной истины. На фоне этого весьма интересны результаты интерпретации внутреннего убеждения в качестве критерия истины.

А.А. Козявин, будучи сторонником истины формальной (юридической), утверждает, что внутреннее убеждение является критерием именно юридической истины [12, с. 115].

Д.А. Мезинов, аргументируя возможность установления в рамках уголовного процесса юридической истины, утверждает, что «следует ставить вопрос не о возможности и об обязанности достижения в уголовном процессе «объективной» истины (о факте достижения которой однозначно судить невозможно), а необходимости достижения судом (а также должностными лицами стороны обвинения), основанной на внутреннем убеждении (при отсутствии разумных сомнений), достоверных (достойных веры), предельно обоснованных знаний – выводов об устанавливаемых фактах, которые общественность примет как истинные» [13, с. 183–184]. Таким образом, сторонники установления в уголовном процессе юридической истины изначально считают, что объективная истина в принципе недостижима, поэтому внутреннее убеждение выступает в качестве аргумента, обосновывающего их позицию.

Видится верным разделить позицию тех процессуалистов, которые говорят о целесообразности закрепления в уголовном процессе России предписаний о цели доказывания – достижение объективной истины. Абсолютно прав в данной дискуссии профессор Л.В. Головкин, который выявляет подлинную суть разногласий, отмечая, что континентальная система права, исторически сложившаяся в России, основана на необходимости установления материальной (объективной) истины, иные варианты будут просто отторгнуты правовой системой, при этом отсутствие в законе указаний о достижении такой цели в уголовном процессе является серьезной институциональной ошибкой, которую необходимо срочно исправлять [14, с. 23].

Констатируя, что УПК Российской Федерации не предусматривает истину в качестве цели доказывания, российские процессуалисты не могут не оспаривать ее существования в условиях состязательного уголовного процесса.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: «Какую цель преследовал законодатель, когда изъял ст. 20 УПК РСФСР и не перенес ее в УПК России, где речь шла о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела?». Только ли желанием как можно быстрее избавиться от советского наследия в юридической науке и, в частности, в уголовном процессе? Оставим данный риторический вопрос без ответа. При этом заметим, что, несмотря на достаточно сложный и неоднозначный вопрос о характере истины, белорусский законодатель сохранил (и, по нашему мнению, поступил абсолютно верно) принцип объективной истины в уголовном судопроизводстве.

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973.
3. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2012.
4. Лупинская П.А. Доказательственное право в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002.
5. Артамонова Е.А., Фирсов О.В. Основы теории доказательств в уголовном процессе России. М., 2014.
6. Францифоров Ю.В. Цена истины в уголовно-процессуальном доказывании // Рос. следователь. 2005. № 11.
7. Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии). М., 2003.
8. Громов Н.А., Зайцева С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. М., 2002.
9. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2012.
10. Спасович В.Д. Избранные труды и речи. Тула, 2000.
11. Дорощков В.Б. Объективная и формальная истина как разные формы одного явления // Библиотека криминалиста. 2012. № 4.
12. Козявин А.А. Критерий истины, познаваемой в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4.
13. Мезинов Д.А. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4.
14. Головкин Л.В. Истина в уголовном процессе // Закон. 2012. № 6.

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Анализ практики досудебного расследования преступлений позволяет сделать вывод о том, что информационный потенциал документов как источников доказательств следственными органами Украины недооценивается и, следовательно, не используется в полной мере.

Решить имеющую место проблему можно, если подходить к использованию документов в процессе доказывания системно. Предлагаем идеальную модель процесса использования документов в уголовном производстве, согласно которой уголовное производство (уголовное дело) рассматривается как целостная система документов, а каждый отдельно взятый документ одновременно является процессуальным источником доказательств и системообразующим элементом уголовного производства (уголовного дела).

Перед описанием предлагаемой модели процесса использования документов в уголовном производстве видится необходимым акцентировать внимание на некоторых положениях действующего УПК Украины для более глубокого понимания порядка действия модели.

Так, УПК Украины закрепляет понятие доказательств и приводит исчерпывающий перечень процессуальных источников доказательств. Соответственно, доказательствами являются «фактические данные ...» (ч. 1 ст. 84), а процессуальными источниками доказательств – «показания, вещественные доказательства, документы, выводы экспертов» (ч. 2 ст. 84). При этом «документы» указаны как самостоятельный процессуальный источник доказательств, что свидетельствует об их значимости для процесса доказывания.

Определяющим кроме значения термина «документ» законодатель в УПК Украины закрепил перечень основных видов носителей информации, в том числе и электронных, которые могут принадлежать к документам (ст. 99), а также перечислил признаки, какими должны обладать документы, которые признаются (являются) вещественными доказательствами (ст. 98).

Так, согласно УПК Украины «документом является специально созданный с целью сохранения информации материальный объект, содержащий зафиксированные с помощью письменных знаков, звука, изображения и т. п. сведения, которые могут быть использованы в каче-